18+

Маньяк с чашечкой кофе

детектив с юмором

VLADIMIR SOLOVYOV

Vladimir Solovyov

Маньяк с чашечкой кофе

«Издательские решения»

Solovyov V.

Маньяк с чашечкой кофе / V. Solovyov — «Издательские решения»,

Мир жесток и несправедлив, особенно к талантливым. Часто их обманывают и используют разработки в корыстных целях, даже не сказав им «спасибо», более того, ещё и натравливают на них всю правоохранительную систему. Талантливая девушка избрала свой способ мстить богатым, зарвавшимся негодяям, чиновникам, коррупционерам не только за себя. Незаконно? Да! Зато справедливо!

© Solovyov V.
© Издательские решения

Содержание

Оглавление 6
Правосудие с ароматом арабики 6
Золотая клетка 9
Микроскопический ниндзя 10
Улика для гурманов 11
Растворяясь в толпе 12
Глава 2: Ночная смена 13
Памятник человеческой доброте 15
Исповедальня грешников 17
Новый заказ 20
Глава 3 Масштабирование 22
Урожай грешников 22
Барбекю для миллиардера 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Маньяк с чашечкой кофе

Vladimir Solovyov

© Vladimir Solovyov, 2026

ISBN 978-5-0071-0786-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление
Маньяк с чашечкой кофе
детектив с юмором
Глава 1: Идеальное преступление

Правосудие с ароматом арабики

Крыша высотного здания в этот час представляла собой одно из тех неуютных мест, где ночной ветер дует с таким ожесточением, будто имеет к вам личные счеты. Хлоя Хейс сидела на хлипком складном стульчике, зябко кутаясь в серое худи. Эта деталь гардероба была настолько безликой и лишенной всякого характера, что, умей она говорить, непременно баллотировалась бы в конгресс.

На коленях у Хлои покоился пульт управления, тускло подсвечивая ее лицо, а на бетонном парапете, бросая вызов законам физики и здравому смыслу, дымилась изящная фарфоровая чашечка.

В прицел камеры своего микро-дрона Хлоя с философским спокойствием наблюдала за окнами сверкающего пентхауса напротив.

****

Хлоя вспоминала доктора Элиаса Вэнса талантливого, но наивного биоинженера. Вэнс разработал уникальную технологию — тех самых микро-дронов, размером с насекомое. Изначально они создавались для спасения жизней: дрон должен был проникать в труднодоступные

места или незаметно подлетать к человеку, у которого начался приступ, чтобы впрыснуть или капнуть ему в рот спасительную дозу адреналина или сердечного стимулятора.

В то время Брэдли возглавлял специальный комитет по надзору за передовыми технологиями в медицине.

Вэнс искал государственное финансирование и защиту от жадных корпораций. Сенатор Брэдли, увидев прототип, сразу понял, что эта технология стоит миллиарды, но не в медицине, а в шпионаже и заказных убийствах.

Брэдли пообещал инженеру полную правительственную поддержку. Он убедил Вэнса передать ему все чертежи и единственный сервер с исходным кодом нейросети, управляющей полетом дронов — якобы для «секретного аудита безопасности».

Как только Брэдли получил данные, он нанес удар. Через свои связи в полиции он сфабриковал против Вэнса дело о разработке нелегального биологического оружия. Лабораторию ученого разгромили, а самого инженера посадили в тюрьму строгого режима на 15 лет.

Тем временем сенатор через подставные фирмы-однодневки запатентовал технологию и тайно продал её частной военной компании за колоссальную сумму. На эти деньги он профинансировал свою избирательную кампанию и стал одним из самых влиятельных политиков в стране.

Чего Брэдли не учел, так это того, что Вэнс не сдался. Спустя пять лет инженеру удалось сбежать. Оказавшись на свободе, Вэнс в кустарных условиях воссоздал свой первый прототип — того самого «майского жука». Затем была встреча с Хлоей Хэйс……

****

Вскоре за пуленепробиваемым стеклом, появился сенатор Брэдли. Он был облачен в шелковый халат, который стоил больше, чем приют для сирот, который сенатор на прошлой неделе обещал построить, но благополучно забыл. Говорили, что совесть Брэдли была девственно чиста. И это сущая правда! Она была чиста, как вода в центральной городской канализации, и ровно по той же причине — мистер Брэдли за всю свою жизнь ею ни разу не воспользовался, предпочитая не пачкать столь деликатный инструмент грязной работой.

Хлоя потянулась к парапету и сделала маленький глоток.

— Идеальная экстракция, — пробормотала она себе под нос, оценивая плотность кофейной пенки. — Если бы правительство работало так же хорошо, как моя кофеварка, мне бы не пришлось торчать на сквозняке.

Тем временем на маленьком экране пульта разворачивался акт высшей справедливости. Творение Хлои — микро-дрон размером с весьма упитанного майского жука — с грацией заправского форточника бесшумно спускался из вентиляционной решетки прямо в кабинет сенатора. Брэдли как раз налил себе бокал коллекционного бургундского, собираясь, по всей видимости, выпить за здоровье своего любимого человека — то есть, самого себя.

Механический «жук» завис над хрусталем. Крошечный клапан открылся, и ровно одна капля синтетического токсина сорвалась вниз, бесследно растворившись в рубиновой жидкости. Это, несомненно, добавило вину новых вкусовых ноток и обеспечило ему грандиозное послевкусие.

На экране было видно, как сенатор с удовольствием осушил бокал. Секунду он стоял неподвижно, смакуя букет. Затем его лицо приобрело такое выражение, будто он внезапно вспомнил о крайне важной и неотложной встрече в загробном мире, на которую катастрофически опаздывал.

Брэдли схватился за горло, исполнил весьма неуклюжий пируэт, достойный пьяного медведя на ярмарке, и с оглушительным грохотом рухнул прямо на антикварный персидский ковер. Ковер, к слову, совершенно не заслуживал такого вульгарного обращения.

Хлоя удовлетворенно кивнула, глядя на бездыханное тело слуги народа. В ее глазах не было злорадства — лишь спокойная гордость садовника, который только что вырвал с клумбы особенно жирный и прожорливый сорняк.

— Как говаривал один классик, — произнесла она с расстановкой, обращаясь к ночному небу, — нет на свете ничего более полезного для укрепления здоровья нации, чем своевременно опубликованный некролог видного политика.

Она неспешно допила свой идеальный эспрессо. Оставлять хороший кофе недопитым было бы настоящим преступлением, а Хлоя Хейс, как известно, была человеком строгих моральных принципов. Аккуратно смахнув невидимую пылинку с фарфорового блюдца, она спрятала чашку и пульт в рюкзак, растворившись в темноте крыши задолго до того, как внизу завыли первые сирены.

Через пятнадцать минут после смерти Брэдли в дверь постучался охранник, чтобы доложить, что в доме всё спокойно и Брэдли может отправиться в спальню, но никто не ответил. Охранник постучал ещё два раза, а затем вошёл в комнату. Он сразу понял, что Брэдли мёртв. Выругавшись, охранник вызвал полицию. Дело было передано детективу Дэвиду Коул.

Золотая клетка

Лифт звякнул с той почтительной и вкрадчивой деликатностью, с какой бедные родственники обычно просят в долг, и двери бесшумно разъехались. Детектив Дэвид Коул вышагнул на последнем этаже, щурясь так, словно ему в лицо разом направили дюжину полицейских фонариков.

Пентхаус покойного сенатора Брэдли представлял собой выставку высших достижений человеческой пошлости. Если бы царь Мидас страдал приступами архитектурного безумия, он обставил бы свою гостиную именно так. Позолота была везде: на рамах, на дверных ручках, на ножках кресел и, кажется, даже на воздухе, которым здесь полагалось дышать.

У массивных дверей переминался с ноги на ногу молодой патрульный Мэтт Купер. Вид у парня был виноватый и до крайности несчастный — в точности как у мальчишки, который только что смахнул с полки мамину любимую фарфоровую вазу, а вину свалить было решительно не на кого, за неимением в доме собаки.

— Что тут у нас, Мэтт? — тяжело вздохнул Коул. Он осторожно перешагнул через мраморный порог, опасаясь, что за одно прикосновение к нему с его скромного жалования вычтут налог на роскошь. — Сенатор наконец-то подавился собственной непереваримой жадностью? Или его насмерть загрызла совесть, внезапно вышедшая из долгой спячки?

Мэтт нервно сглотнул и вытянулся по стойке смирно.

— Двери были заперты изнутри на все замки, сэр. Окна здесь бронированные, глухие, не открываются — видимо, чтобы благодарные избиратели случайно не забросили сюда букеты… ну, или кирпичи. Никаких следов взлома, никакой борьбы. Он просто… упал. Возможно, обширный инфаркт на фоне стресса? Вы же знаете, сэр, как эти люди неустанно трудятся на благо простого народа.

Коул остановился, с философской грустью разглядывая безвкусную золотую статую какого-то античного божества. Божество, судя по слоям сусального золота, в свободное от мифов время явно подрабатывало биржевым маклером.

— Да уж, — протянул детектив, сочувственно цокая языком. — Бедняга определенно надорвался, таща на своих хрупких плечах все тяготы нашей нации. Если верить церковникам, что в раю улицы вымощены чистым золотом, то мистер Брэдли, очевидно, просто решил заранее приучить глаз к тамошнему интерьеру, чтобы не выглядеть провинциалом.

Коул поправил воротник пальто и усмехнулся уголком рта:

— Жаль только, что с его послужным списком билет ему выписали на экспресс исключительно южного направления, где из золота разве что котлы для варки грешников. Пошли смотреть труп, Мэтт. Покойники, в отличие от живых политиков, по крайней мере, не пытаются залезть тебе в карман.

Микроскопический ниндзя

Коул присел на корточки с той неспешной осторожностью, с какой человек обычно присаживается у костра, хотя покойный, раскинувшийся на персидском ковре, явно не излучал тепла. Рядом уже суетился судмедэксперт Док Эванс — мрачный, как ноябрьская туча, старец, чей потертый чемоданчик повидал на своем веку больше человеческих грехов, чем иной приходской священник.

— Ну что, Док? — осведомился Коул, направляя луч фонарика на недопитый бокал, одиноко стоящий на столе. — Неужто мотор не выдержал непомерной тяжести взяток? Говорят, нечестивые доллары тянут на дно вернее хорошего свинца.

Док недовольно крякнул, не отрываясь от своего занятия.

— Сердце у него было покрепче швейцарского сейфа, Дэвид. И, осмелюсь заметить, запиралось на столь же сложный замок, — пробурчал старик, сдвигая очки на кончик носа. — Но вы только взгляните на эти глаза. Зрачки расширены так, словно он узрел собственные счета за отопление, а на губах легкая пена. Это яд. Причем такой прыткий, что бедняга даже не успел сообразить, кому бы оставить долги.

Коул нахмурился. Его взгляд лениво скользнул по роскошным, плотно закрытым окнам.

— Яд? В запертой изнутри комнате? На сороковом этаже? — детектив повел лучом фонарика по стенам, пока свет не выхватил вентиляционную решетку под самым потолком. На крашеном металле виднелась крошечная, едва заметная глазу царапина, словно там поскреблась мышь с маникюром. — И как же, позвольте спросить, он туда попал? Сквозняком надуло? Или отравитель прилетел на метле, да забыл постучаться?

Эванс пожал плечами с тем философским равнодушием, какое дается лишь после тридцати лет работы со жмуриками.

— Не знаю, — вздохнул он, укладывая инструменты обратно в свой бездонный чемоданчик. — Пути Господни неисповедимы. Быть может, Всевышний наконец-то внял слезным молитвам налогоплательщиков и решил вмешаться лично. А может… — старик криво усмехнулся в седые усы, — у нас тут завелся микроскопический ниндзя.

— Будь это ниндзя, он непременно оставил бы на столе счет за оказанные услуги, — хмыкнул Коул, распрямляя затекшие колени. — Эти ребята знают цену своему искусству и в долг не работают.

Оставив Дока наедине с жертвой то ли божьего гнева, то ли невидимых восточных убийц, детектив подошел к окну. Он прижался лбом к прохладному стеклу и вперил задумчивый взор в густую ночную тьму. Коул прикидывал в уме откуда же была видна комната, где был убит Брэдли, где мог находиться маньяк-убийца. Внимание привлекла крыша дома напротив. «Отличное место для наблюдения за комнатой,» — подумал Коул. Тьма хранила молчание, но детектив уже точно знал: у всякого сверхъестественного чуда всегда есть своя физика, и чертовски часто она измеряется не в божественных откровениях, а в джоулях и футах.

Улика для гурманов

Коул вывалился на крышу здания напротив, отдуваясь с тем же надрывным усердием, с каким старый миссисипский пароход преодолевает коварную песчаную отмель. Лифт, это венец человеческой лени и прогресса, разумеется, испустил дух где-то между тридцатым и тридцать первым этажами, любезно предоставив детективу возможность насладиться всеми прелестями пешей прогулки под облаками.

Восстановив дыхание, Коул включил фонарик. Желтый луч заскользил по пыльному рубероиду, выискивая хоть что-нибудь, что могло бы выдать присутствие живой души. Но нет. Ни единого брошенного окурка, ни отпечатка тяжелого ботинка, ни единой капли пота, которая свидетельствовала бы о здоровой панике, свойственной всякому порядочному человеку, только что отправившему ближнего на тот свет. Позиция была безупречно чиста. Можно было подумать, что здесь не ступала нога убийцы, а лишь пролетал святой дух по своим неотложным небесным делам.

Коул уже собирался плюнуть на эту затею, как вдруг луч фонаря выхватил нечто весьма любопытное на сером бетонном парапете.

Детектив кряхтя наклонился, уподобляясь близорукому ученому перед редкой букашкой. На толстом, исторически сложившемся слое городской пыли красовался след. Идеальный, геометрически безупречный кружок, какой оставляет только дно изящной маленькой чашки.

Коул смахнул пальцем невидимые крошки с края этого круга и, поднеся руку к лицу, втянул носом воздух с профессиональной вдумчивостью старого ищейки.

— Ба, да это эфиопская арабика. Светлая обжарка, осмелюсь заметить, — усмехнулся Коул, качая головой. Его голос прозвучал в ночной тишине с ноткой искреннего восхищения. — Убийца с чистой совестью в наших краях — явление, конечно, редкое, но вот убийца с хорошим баристой — это уже что-то из области древнегреческой мифологии.

Он выпрямился, окинув взглядом огни спящего мегаполиса, и произнес в пустоту:

— Наш парень явно считает себя утонченным эстетом. Кто бы ты ни был, приятель, одно можно сказать наверняка: ты ни за что на свете не станешь хлебать дешевое пойло из картонных стаканчиков, даже если находишься на работе. Что ж, по крайней мере, у тебя есть принципы.

Растворяясь в толпе

Там, внизу, где бесстыжие неоновые вывески вели свою вечную и ослепительную войну против старой доброй темноты, мисс Хлоя Хейс совершала неспешный спуск в недра метрополитена. Она двигалась с уверенной, ровной грацией человека, сделавшего важное дело.

Оглядывалась ли она через плечо, как какая-нибудь дешевая злодейка из бульварного романа? Ничуть. Шаг ее был размерен, а пульс, держу пари, не превышал пульса спящей черепахи. В недрах ее рюкзака чисто вымытая фарфоровая чашка вежливо и тихонько постукивала о пластиковую бутылочку с водой — это были единственные аплодисменты, которые она себе позволила. На ее лице не было написано ни грана того, что проповедники называют раскаянием. Напротив, она несла на себе печать благородной усталости — с таким лицом воскресная учительница возвращается домой после того, как честно, но бесплатно отработала сверхурочные, вколачивая истины в головы отпетых хулиганов.

Тем временем, высоко над этим суетливым скоплением грешников, детектив Коул стоял на крыше. Он перегнулся через парапет, взирая на улицу, где автомобили и пешеходы сновали туда-сюда, точь-в-точь как колония муравьев, обнаружившая забытую корзинку для пикника. Коул сделал долгий, философский вдох ночного воздуха — дивного букета из выхлопных газов, остывающих асфальтовых испарений и надвигающихся неприятностей.

Затем он перевел взгляд на главную улику: пятно от кофе. Оно не было обычным пятном; в нем читалась надменная геометрия холодного расчета. Коул отцепил от пояса рацию и нажал кнопку с тяжелым вздохом человека, которому предстоит уговорить упрямого мула тащить повозку в гору.

— Саймон, — протянул он в трещащий эфир, не отрывая взгляда от коричневого ореола на бетоне. — Ты меня слышишь, Саймон?

Рация кашлянула статикой, и голос напарника отозвался так, словно вещал из жестяной банки из-под персиков:

— На связи, Коул. Какие новости с небес?

— Знаешь, Саймон, — философски произнес Коул. — Местные мудрецы из парикмахерской любят повторять, что правда всегда всплывает на поверхность. Как сливки в молоке.

— И что с того, босс?

— А то, мой мальчик, что главное в нашем ремесле — вовремя снять пенку, пока она не прокисла. — Коул почесал подбородок. — Передай-ка в участок сержанту, чтобы немедленно заварили свежий кофейник. И пусть на этот раз возьмут настоящие зерна, а не те опилки, которые они обычно выдают за кофе.

— Зачем нам хороший кофе на ночь глядя, Коул?

— Затем, Саймон, что Господь в Своей безграничной иронии ниспослал нам маньяка интеллектуального толка. А это значит, судя по всему, что спать нам в ближайшем будущем предстоит прискорбно мало.

Глава 2: Ночная смена

Честный труд и мелкие хищения

Утро, подкравшееся к цехам завода радиоэлектроники «Апекс» после изнурительной ночной смены, имело цвет залежалого свинца и пахло так, как пахнет всякая индустриальная добродетель — жженой канифолью, едким дешевым мылом и густой, первосортной безысходностью. Эту безысходность здесь, казалось, производили прямо на конвейере, заботливо упаковывая в картонные коробки вместе с готовой продукцией.

Хлоя Хейс сидела за своим рабочим местом, являя собой картину такого смиренного усердия, что любой бродячий проповедник немедленно прослезился бы от умиления. Она монотонно, с ритмичностью маятника, припаивала контакты к зеленым платам. Каждое движение ее паяльника было гимном капиталистическому труду.

Именно на эту пасторальную сцену и решил пролить свет своего руководящего гения мастер цеха, мистер Гэмбл.

Мистер Гэмбл был человеком тучным, основательным и напоминал дождевую бочку, которая по какому-то недоразумению проглотила еще одну дождевую бочку. Вся его заводская продуктивность заключалась исключительно в умении перемещать свою массу по проходам и монументально дышать над чужим ухом, издавая звуки прохудившихся кузнечных мехов. Он искренне верил, что один только звук его астматического сопения повышает выработку на пятнадцать процентов.

Остановившись за спиной Хлои, он некоторое время нависал над ней, как грозовая туча, раздумывающая, куда бы метнуть молнию.

— Хлоя, душа моя, — прохрипел Гэмбл, с громким чавканьем вытирая клетчатым платком вспотевший лоб, — вы сегодня трудитесь с таким остервенелым энтузиазмом, будто руководство завода в кои-то веки решило платить вам жалование настоящими деньгами, а не обещаниями светлого будущего.

Он грузно облокотился о край конвейерной ленты, едва не пустив ее под откос.

— Не сбавляйте темп, дитя мое. Родина отчаянно нуждается в датчиках движения. Без них, знаете ли, прогресс остановится, а враги цивилизации проскользнут незамеченными!

Хлоя, даже не моргнув, аккуратно ткнула жалом паяльника в крошечный контакт. Взгляда она не подняла, сохраняя на лице выражение кроткой мученицы.

— Тружусь в поте лица своего, мистер Гэмбл, — ответила она голосом столь же елейным, сколь и невинным. — Как говаривал мой покойный дедушка, провожая очередной пароход по Миссисипи: «Честный труд облагораживает человека. А в особенности он облагораживает того человека, на которого ты работаешь». Я просто не могу позволить, чтобы вы остались необлагороженным, сэр.

Гэмбл, чей мозг был не слишком приспособлен для распутывания словесных кружев, уловил лишь слова «труд» и «облагораживает». Он расплылся в довольной улыбке, решив, что только что успешно применил передовые методы мотивации персонала.

— Золотые слова! Ваш дед был истинным патриотом производства, — многозначительно хмыкнул он, хлопнул себя по необъятному животу и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, поплыл дальше по проходу, неся свет контроля в темные массы других рабочих.

Он так и не заметил самого главного.

Если бы мистер Гэмбл обладал зрением ястреба или хотя бы внимательностью базарного зеваки, он бы увидел чудо, достойное лучших сцен Нового Орлеана. Как только массивная тень начальника сдвинулась с места, левая рука Хлои совершила неуловимый маневр. С грацией и скоростью уличного фокусника, обчищающего карманы зазевавшегося фермера, ее тонкие пальцы порхнули над лотком с комплектующими.

Раз — и два новейших, сверкающих золочеными ножками микропроцессора покинули свое законное место. Два — и они, минуя конвейерную ленту, законы физики и бдительный взор заводской охраны, растворились в недрах правого кармана ее безразмерного, вязаного кардигана.

Карман этот, к слову, был шедевром портняжного искусства. С виду скромный и плоский, он таил в себе глубины, способные поглотить не только пару микрочипов, но и, при необходимости, небольшую наковальню.

Хлоя удовлетворенно вздохнула, припаяла следующий контакт и чуть заметно улыбнулась. Утро пахло канифолью, мылом и, если как следует принюхаться, маленькой, но чрезвычайно приятной прибавкой к жалованию. Дедушка определенно гордился бы ею.

Памятник человеческой доброте

Вечер опустился на город с той же неизбежностью, с какой налоги опускаются на кошелек честного гражданина, когда Хлоя, наконец, добралась до своего жилища. Назвать это место «квартирой» было бы вопиющим преувеличением; скорее, это было архитектурное недоразумение, снабженное крышей. Квартирка была настолько крошечной и неприметной, что, казалось, она беспрерывно кланяется каждому проходящему таракану и смиренно извиняется за сам факт своего существования в этой суровой вселенной.

Переступив порог, Хлоя совершила ежевечерний ритуал параноика: она заперла дверь на три основательных замка. Первый предназначался для честных воров, второй — для назойливых коммивояжеров, а третий она закрывала просто потому, что совершенно не доверяла первым двум.

Тяжело вздохнув, она принялась стягивать с себя то, что сама называла «униформой серой мыши» — наряд, столь искусно лишенный всякой индивидуальности, что в нем Хлоя становилась человеческим эквивалентом обоев в кабинете стоматолога.

Путь вглубь комнаты лежал мимо старого, мутного зеркала, которое давно оставило попытки отражать мир в лучшем свете. Хлоя остановилась. На секунду ее взгляд, обычно острый и беглый, зацепился за левое плечо и ключицу. Там, на бледной коже, раскинулся уродливый, неровный шрам от ожога. Он напоминал карту неизведанного материка, нарисованную в стельку пьяным картографом.

Хлоя склонила голову набок и одарила свое отражение кривой, лишенной всяких иллюзий усмешкой.

— Ну что ж, — протянула она с расстановкой, обращаясь к зеркальному двойнику, — должна признать, ничто так не освежает в памяти воспоминания о безграничной, поистине святой человеческой доброте, как добрая кружка кипятка, щедро выплеснутая прямо на тебя.

Отражение не стало спорить. У него, в отличие от многих людей, хватало такта молчать, когда сказать было нечего.

Покончив с этим кратким, но емким философским диспутом, Хлоя направилась к кухонному столу. В приличном обществе кухонный стол служит для размещения кастрюль, тарелок и, возможно, унылой овсянки по утрам. Стол Хлои, однако, плевал на традиции. Это было поле боя. Вместо сковородок на нем гордо громоздились паяльные станции, тихо гудящие, словно улей с механическими пчелами; микроскоп, смотревший на мир с пугающим любопытством; и целая батарея картонных коробок. В коробках покоились те самые платы, которые Хлоя так удачно «освободила» от гнета корпоративного рабства.

Вторым полем боя был стол в комнате. Это была экспериментальная лаборатория, здесь создавались новые разработки.

Заводские детали, безупречно скучные в своем первозданном виде, были для нее лишь сырьем — как глина для обезумевшего от вдохновения скульптора. Из этого технологического мусора Хлоя прямо сейчас, под тусклым светом лампы, собирала нечто совершенно невообразимое. Нечто такое, от чего у достопочтенного мистера Гэмбла — человека, чья душа состояла преимущественно из бухгалтерских книг и корпоративной паранойи, — непременно случился бы апоплексический удар. Причем удар этот был бы настолько грандиозным и всеобъемлющим, что вошел бы во все медицинские справочники как абсолютный шедевр в своей области.

Хлоя щелкнула тумблером паяльной станции, и в ее глазах, секунду назад казавшихся мышиными, зажегся опасный, совершенно не прирученный огонек. Настоящая ночная смена только начиналась.

Исповедальня грешников

Если бы Господь Бог решил однажды провести ревизию человеческих грехов, он бы не стал спускаться на землю и уж тем более не пошел бы в суд. Он бы просто попросил у Хлои пароль от её Wi-Fi.

На часах была та самая глухая пора ночи, когда честные люди спят, а нечестные — пересчитывают барыши. Хлоя с легким щелчком откинула крышку своего ноутбука. Машина была защищена таким количеством паролей, шифров и виртуальных замков, что попытка взломать её отняла бы у правительства больше времени и денег, чем строительство трансконтинентальной железной дороги, причем с тем же сомнительным успехом.

Она потянулась за своей любимой фарфоровой чашкой. Чашка эта была изящной, хрупкой, с легкомысленной золотой каемочкой — совершенно неуместный предмет в мире киберпреступности. Внутри, однако, плескался кофе, который по цвету и густоте мог бы поспорить с совестью рядового конгрессмена. Хлоя сделала изрядный глоток, поморщилась от благословенной горечи и нырнула в даркнет.

Её личный уголок в этой цифровой преисподней скромно именовался «Стена плача 2.0». Экран мгновенно запестрел тысячами зашифрованных сообщений. Это было, пожалуй, единственное судебное учреждение в стране, где не требовали взяток. Во-первых, потому что судья предпочитала работать в пижаме, а во-вторых, потому что здешняя Фемида, в отличие от официальной, не просто завязывала глаза, но еще и не подставляла карман.

Хлоя щелкнула мышкой, открывая первый же мигающий красным чат. Некий гражданин, скрывающийся за глубокомысленным псевдонимом *Справедливость_Слепнет*, изливал душу с такой яростью, что буквы, казалось, вот-вот прожгут монитор.

«Вы только поглядите на этих блюстителей порядка! — строчил он, очевидно, яростно колотя по клавиатуре. — Полиция снова закрыла дело! Из-за отсутствия улик, говорят они! Этот ублюдок-застройщик спалил наш дом дотла, чтобы прибрать к рукам землю, а местный шериф, готов поспорить, еще и помогал ему жарить маршмэллоу на пепелище! И где теперь этот пироман? Отдыхает на Багамах, потягивая коктейли из кокоса, пока мы ночуем в фургоне!»

Хлоя вздохнула. В человеческой натуре есть одна неизменная черта: люди всегда удивляются, обнаружив, что правосудие имеет ценник, хотя сами же каждый день ходят на рынок.

Она обхватила теплую фарфоровую чашку двумя руками, сделала еще один глоток, словно собираясь с мыслями, и положила пальцы на клавиатуру. Клавиши застучали, отмеряя порцию горькой, как её кофе, истины.

«Друг мой, — начала печатать Хлоя, позволив себе легкую, чуть циничную усмешку. — Вы требуете от закона того, для чего он никогда не был предназначен. Закон, видите ли, — это обыкновенная паутина. Мелкие мухи, вроде нас с вами, в ней мгновенно запутываются и идут на корм правосудию. А вот крупные шершни с тугими кошельками прорывают её насквозь, даже не заметив сопротивления. Багамы — естественная среда обитания таких шершней».

Она на секунду зависла, глядя на мигающий курсор, а затем добавила:

«Но даже у шершня есть жало, которое можно вырвать. Собирайте доказательства. Каждую бумажку, каждую видеозапись, каждый косой взгляд шерифа. И ждите. Моя паутина плетется по другим правилам».

Нажав кнопку «Отправить», Хлоя откинулась на спинку кресла. Ночная смена только начиналась, а грешников в очереди было еще предостаточно.

*Первый блин комом (Флешбэк) *

Говорят, время лечит любые раны. Хлоя всегда считала, что автор этого изречения либо никогда не получал ожогов третьей степени, либо был практикующим часовщиком, которому нужно было как-то сбывать свой товар.

Сидя в полумраке пустой квартиры, освещаемой лишь холодным, почти призрачным сиянием мониторов, она задумчиво провела пальцем по неровному, стянутому рубцу на ключице. Шрам был похож на криво нарисованную карту сокровищ, которая вела не к сундуку с пиастрами, а прямиком в пучину человеческой подлости.

Она вздохнула, и в тишине комнаты этот звук прозвучал как шелест старой судебной папки. Хлоя вспомнила, с чего всё началось.

Ричард Стерлинг. Человек, чья фамилия звучала как название дорогого столового серебра, и чья душа имела примерно ту же температуру. Влиятельный инвестор, филантроп и, по совместительству, профессиональный стервятник. Он обладал тем специфическим видом богатства, которое делает мужчину дьявольски привлекательным в глазах банковских клерков и абсолютно неуязвимым для уголовного кодекса.

Стерлинг украл её разработки с той же элегантной непринужденностью, с какой джентльмен снимает шляпу перед дамой. Пару подписей, взвод юристов, чьи улыбки напоминали оскал белых акул, учуявших кровь в воде — и вот дело всей жизни Хлои стало его «инновационным прорывом», а её карьера превратилась в пыль.

Но Хлоя была молода и всё ещё верила в ту забавную сказку, которую общество называет «справедливостью». Она выследила его в модной элитной кофейне, где чашка кофе стоила как подержанный автомобиль, а бариста смотрели на посетителей с таким высокомерием, будто лично собирали зерна на склонах Килиманджаро.

— Мистер Стерлинг! — звонко начала тогда Хлоя, перегородив ему путь к выходу. — Мы оба знаем, что алгоритм нейро-интерфейса мой. У меня есть исходные коды, черновики, даты компиляции…

Стерлинг остановился. Он посмотрел на нее не с гневом или испугом, а с тем ленивым любопытством, с каким энтомолог разглядывает назойливую, но неопасную букашку. В одной руке он держал свежесваренный, булькающий, как лава в кратере Везувия, большой американо.

— Милая моя, — произнес он бархатным баритоном, обнажив безупречные виниры. — В этом мире идеи витают в воздухе. Я просто… поймал её сачком чуть раньше, чем вы успели закрыть форточку. А теперь, будьте добры, освободите фарватер.

— Я пойду в суд! Я дойду до прессы! — не унималась Хлоя, наивно полагая, что правда — это щит.

— Какая утомительная пылкость, — вздохнул Стерлинг.

А затем он сделал нечто поразительное в своей простоте. Он не стал звать охрану. Он не стал угрожать. Он просто слегка наклонил стакан и с добродушной полуулыбкой вылил весь этот кипящий, черный, как его совесть, кофе прямо ей за воротник блузки.

Хлоя рухнула на пол, задыхаясь от боли, мир перед глазами сузился до размеров раскаленного пятна, а Стерлинг, изящно перешагнув через нее, бросил бариста:

— Запишите на мой счет. Девушка, кажется, перегрелась.

Суд, разумеется, был образцом непредвзятости. Судья, чей банковский счет удивительным образом пополнился аккурат накануне слушаний, долго протирал очки, морщил лоб, а затем изрек, что инцидент был «досадной неосторожностью», вызванной «непредсказуемой гравитационной аномалией и излишней эмоциональностью истца». Иск отклонили.

Хлоя усмехнулась своим мыслям, откидываясь в скрипучем компьютерном кресле. Правосудие оказалось слепым, глухим и, видимо, умственно отсталым. Поэтому ей пришлось взять молоток судьи в свои руки.

Она вспомнила свой первый суд присяжных, состоящий исключительно из её собственной персоны, прокурора в её же лице и палача, вооруженного лишь ноутбуком.

Это случилось через полгода. Стерлинг выступал на роскошном благотворительном вечере. Он стоял на сцене в смокинге, сияя в лучах софитов, и вещал о гуманизме перед толпой людей, чьи суммарные капиталы могли бы купить небольшую европейскую страну.

Хлоя в тот вечер сидела в фургоне через дорогу, попивая остывший чай из термоса. Стерлинг был человеком передовых взглядов, поэтому его новенький, баснословно дорогой кардиостимулятор имел функцию беспроводной настройки. Зачем человеку нужно, чтобы его сердце подключалось к Wi-Fi? Вероятно, чтобы взимать плату за транзит с красных кровяных телец. Как бы то ни было, защита там была слабее, чем амбарный замок на картонной коробке.

— Я всегда верил, что главное в бизнесе — это большое, открытое сердце! — донесся из наушников бархатный голос Стерлинга. Толпа разразилась умиленными аплодисментами.

— Открытое сердце? — пробормотала тогда Хлоя, нажимая клавишу «Enter». — Ну, давай посмотрим, как оно держит ритм.

В следующее мгновение Стерлинг на сцене замер. Его глаза расширились, а затем он исполнил нечто среднее между брейк-дансом и пляской святого Витта, после чего рухнул прямо на многоярусный торт. Паника, крики, вспышки камер — это было великолепное шоу.

Вернувшись в реальность пустой квартиры, Хлоя щелкнула зажигалкой, хотя давно не курила, просто чтобы посмотреть на огонек.

— Он всегда любил говорить, что у него большое сердце, — тихо, но с явным удовольствием произнесла Хлоя, обращаясь к пыльному фикусу в углу комнаты. — Оказалось, оно просто нуждалось в легком перезапуске с помощью тысячи вольт. Исключительно в профилактических целях! Жаль только, что врачи скорой помощи совершенно не оценили мою инженерную мысль. Назвали это «обширным инфарктом неясной этиологии». Никакого уважения к авторскому праву.

Она улыбнулась. Первый блин, может, и вышел комом, но вкус у него был исключительно сладким.

Новый заказ

Если бы дьявол решил уйти на покой и искал себе преемника, ему бы следовало не рыскать по преисподней, а просто завести аккаунт на теневом форуме, где Хлоя проводила свои вечера. Этот уютный уголок интернета полнился такими образцами человеческой породы, рядом с которыми Иуда Искариот показался бы мелким жуликом, не умеющим вести серьезный бизнес.

Свечение монитора выхватывало из полумрака лицо Хлои. Её внимание привлекла новая ветка на форуме, мигавшая красным флажком первостепенной срочности. Речь шла об одном выдающемся джентльмене, главе крупной фармацевтической компании. Этот почтенный столп общества, судя по всему, открыл гениальный в своей простоте закон экономики: если заменить в ингаляторах для астматиков надежный клапан на дешевый кусок китайского пластика, можно ежеквартально экономить миллионы долларов. А тот незначительный факт, что приступы у пациентов от этого почему-то не прекращаются, а вовсе даже наоборот — лишь доказывает, что им нужно покупать еще больше ингаляторов! Воистину, капитализм в его самом чистом, незамутненном виде.

В прикрепленных файлах красовались сканы внутренних распоряжений компании, написанные тем сухим, безупречным канцелярским языком, которым обычно подписывают смертные приговоры. А чуть ниже висели крики о помощи от матерей — тексты, полные отчаяния, сбивчивые и страшные в своей искренности.

Хлоя дочитала последнее сообщение. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением системного блока.

Она медленно отстранилась от экрана и взяла в руки чашку с ромашковым чаем. Сделав крошечный глоток, Хлоя аккуратно, с благоговением истинного аристократа, опустила тончайший китайский фарфор на специальную пробковую подставку. Если в этом безумном мире и оставалось что-то святое, что ни в коем случае нельзя было царапать о дубовую столешницу, так это антикварный фарфор династии Цин. Люди — дело другое. Люди царапаются легко, а порой и сами напрашиваются на то, чтобы их хорошенько отшлифовали.

Хлоя придвинула к себе массивный микроскоп, похожий на одноглазого железного циклопа, и взяла хирургический пинцет.

— Что ж, мистер Фармацевт, — произнесла она вслух, обращаясь к сияющей физиономии миллионера на экране. Тот улыбался с фотографии так широко, будто только что лично изобрел кислород. — Говорят, благотворительность начинается дома. Но ваша, судя по всему, заканчивается в морге.

Пинцет с тихим щелчком сомкнулся на крошечной металлической детали. Эту хитрую штуковину Хлоя позаимствовала сегодня днем прямо с конвейера завода нашего доблестного эконома.

— Вы, сударь, несомненно, человек широких взглядов, — продолжила Хлоя свою неспешную беседу с фотографией, поднося деталь под линзу микроскопа. — Вы верите в свободный рынок. А я верю в то, что у каждого человека есть неотъемлемое, дарованное Господом право на последний вздох.

Она прищурилась, изучая микроскопическую резьбу, которую предстояло немного… модернизировать.

— Вот мы и посмотрим, — Хлоя усмехнулась, и в этой усмешке было так мало веселья, что от нее мог бы замерзнуть стакан виски, — как хорошо работают ваши собственные, несомненно, дорогие и застрахованные легкие. Особенно когда в системе климат-контроля вашего новенького, герметичного лимузина совершенно случайным, но крайне естественным образом

окажется избыток угарного газа. Говорят, он вызывает приятную сонливость. Почти такую же приятную, как ваши квартальные отчеты.

Хлоя потянулась за миниатюрной отверткой. Часы на стене пробили полночь.

— Ночь только начинается, мистер Фармацевт, — промурлыкала она. — Пора делать глубокий вдох.

Глава 3 Масштабирование

Урожай грешников

Квартирка Хлои, некогда уютная девичья обитель, в последнее время приобрела поразительное сходство с арсеналом параноидального диктатора. Когда для того, чтобы добраться до чайника, вам приходится вести сложные дипломатические переговоры с коробкой детонаторов, а в шкафчике для обуви вместо туфель гнездятся катушки с вольфрамовой нитью, становится ясно: пора расширяться.

Именно поэтому Хлоя сняла просторный гараж на самой окраине города — в том славном районе, куда честные граждане обычно свозят сломанные газонокосилки и свои нереализованные надежды.

Устроившись за массивным верстаком, пахнущим машинным маслом и опилками, она с благоговением смотрела на монитор. Серверы её детища, сайта «Стена плача 2.0», гудели ровным, сытым гулом, словно улей, случайно обнаруживший фабрику по производству патоки. Наплыв посетителей был поистине библейским. Оказывается, если дать человеку анонимность и клавиатуру, он с невероятной прытью докажет, что его ближний — патентованный негодяй.

Если бы Господь или налоговая служба выдавали Хлое хотя бы по одному жалкому центу за каждую обоснованную жалобу на взяточника, она бы уже приценивалась к небольшой банановой республике. А если бы эти цифровые стенания вдруг обрели плоть и превратились в листы бумаги, они бы засыпали Вашингтон плотным слоем фута в три толщиной — что, откровенно говоря, пошло бы политическому климату столицы только на пользу.

— Это совершенно поразительно, сенатор, — пробормотала Хлоя.

Она обращалась к толстому, потрепанному жизнью бродячему коту с надорванным ухом, который самовольно прописался в гараже и теперь увлеченно вылизывал лапу, сидя на стопке пупырчатой пленки. Кота звали Сенатор, потому что он был ленив, прожорлив и мастерски делал вид, что не слышит обращенных к нему упреков.

— Я читала в умных книгах, — продолжила девушка, ювелирно прикручивая миниатюрную оптическую линзу к брюшку новенького дрона, — что честных и добропорядочных людей в мире подавляющее большинство. Но, судя по статистике моего сайта, Сенатор, эти прекрасные люди либо обладают невероятным талантом к маскировке, либо все поголовно работают в ночную смену и просто просыпают то время, когда вершится дневное воровство.

Сенатор громко зевнул, демонстрируя, что он не питает никаких иллюзий относительно человеческой природы.

Хлоя отложила отвертку и любовно погладила холодный металлический корпус своего творения. Она сделала это с той же нежностью, с какой бабушка теребит любимого кота.

Барбекю для миллиардера

Если бы Господь Бог хотел, чтобы человек добровольно запирался в раскаленном деревянном ящике, он бы создал нас с корочкой из панировочных сухарей. Но покойный миллиардер Артур Вэнс считал иначе. У него было столько денег, что естественный процесс потоотделения казался ему занятием для простолюдинов; ему непременно требовалась элитная сауна из канадского кедра, чтобы потеть с чувством собственного превосходства.

Детектив Коул стоял на пороге того, что еще вчера было шедевром спа-архитектуры, а сегодня напоминало гигантскую пепельницу, в которой дьявол затушил свою утреннюю сигарету. Пахло жареным беконом, жженой древесиной и горьким разочарованием в современных технологиях.

Судмедэксперт Док Эванс, облаченный в защитный костюм, делавший его похожим на унылого зефирного человечка, меланхолично ковырялся в пепле. Время от времени его пинцет извлекал на свет божий то, что еще недавно управляло хедж-фондами и скупало недвижимость на Манхэттене.

Коул достал из кармана мятый платок и прижал его к носу.

— Знаешь, Док, — философски начал детектив, обводя взглядом обугленные стены, с которых свисали оплавленные провода, словно макароны на ушах доверчивого инвестора. — Я всегда говорил, что прогресс нас погубит. Но я предполагал, что это будет какая-нибудь скучная атомная бомба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.